

Иван Иннокентьев

Древо

Рассказ

Все бы хорошо, да вот древо это треклятое, росшее у самого дома-балагана, мешало ему благоденствовать на склоне славно проведенных лет. Редкая удача для его брата боотура¹ — иметь за спиной семь десятков прожитых годков. Тем паче, если три четверти из них проведены в седле боевого коня, в кованных — не самых легких на свете — доспехах...

* * *

Что он помнит из жизни своей? Пожалуй, первый поединок и совсем еще несмышленишем убитого им соперника. Такого же юнца, как и сам, только из другого роду-племени. Как они бились тогда под грозно-назойливое подзуживание, под гортанные выкрики поддерживавших их матерых бойцов враждующих улусов!

По уму-то, должны были сражаться в то затянутое болотным маревом утро не на жизнь, а на смерть не эти два желторотых птенца, а именитые, высокого происхождения и полета тойоны. Или, на худой конец, два самых опытных боотура из вечно воевавших меж собой кланов. (А причинами раздоров сих служили то спорные земли, то убийство ненароком или по умыслу злому сородича и редко очень — похищение удалцами-молодцами женщин чужого рода.) На этот раз сыр-бор разгорелся по поводу сенокосных угодий. Нешуточный повод для столкновения кровавого — в засушливое-то лето!

И так уж получилось, что по взаимному уговору тойонов (у одного из них была подвернута нога — неудачно спрыгнул, упившись хмельного кумыса, с коня) выставили, будто на посмешище, двух юнцов, которые, по правде говоря, давно мечтали свести в жестоком поединке счеты — не первый год соперничали они мирно на ысыахах²! — и заодно показать молодечество свое пред сородичами. Хватит ходить в отроках сопливых, вон уже пушок над верхней губой пробивается. Значит, мужчинами пора становиться! Пора...

Иннокентьев Иван Иванович (родился в 1957 году), автор более 10 книг прозы и драматургических произведений, работал заместителем главного редактора литературно-художественного журнала «Полярная Звезда», переводчик, в его переводах на русский язык выходили произведения юкагирских, эвенских и якутских писателей; редактор свыше 30 книг, выпущенных на русском языке в серии «Писатели Земли Олонхо». Живет в Якутске. Пишет по-русски.

¹ Воин, прошедший специальную военную выучку.

² Ысыах — якутский праздник лета, сопровождаемый обрядом молений, обильным угощением, танцами, народными играми и соревнованиями сильных и ловких.

Впервые взявшие в руки — для настоящей схватки — боевое оружие, парни поначалу не слишком рьяно взялись за дело. И награждены были тут же оскорбительными выкриками: «Зажеманились девицы наши, застеснялись!», «Вы поцелуйтесь еще, чего нас, стариков дряхлых, стыдиться!», «Вида крови бояться, в обморок того и гляди хлопнутся!»

И горячее, дурманящее дыхание смерти, будто туманом алым, обволокло их сознание, застлало глаза. Враз поняли юноши, что одному из них суждено остаться здесь, на этом пятачке утоптанной земли, навсегда. С перебитым ли позвонком, со сломанной ли шеей иль хищно вонзившимся в сердце острым клинком батаса¹ — было теперь уже неважно. Важно было не дать сопернику проделать это с тобой, УБИТЬ самому.

«О, смотри, вот схватка так схватка!», «Словно подменили наших бойцов!» — На этот раз толпа, состоявшая в основном из боотуров, безумствовала уже от восторга. «И ведь не остановишь поединок-то, — перекрыл шум схватки рассудительный голос тойона. Того, что падал с коня. — И настрой у обоих, и упорство, и выучка — будто одной пилы зубья...» Видно, не хотел тойон стать свидетелем смертельного исхода, да сожалея смирялся пред неминуемым. Суровы законы предков: нет заметного превосходства одного бойца над другим — биться им до смерти, никто не вправе остановить единоборство.

«Поднырни под дылду, под удар, и достань ногу! Потом уж кончай с ним!» — советовали его врагу. Да и Сарыал не глухой — все слышит. Не зря про него говорили старые боотуры: «Толк из этого долговязого выйдет. Лишь бы дожил до тех лет, когда в силу войдет...». И потому, хотя и слышит Сарыал, что советуют его сопернику, не торопится менять позу-стойку: а вдруг — подвох?! Боец он, знать, всамделишный, коли разума не потерял в пылу схватки.

Первоначальный запал иссяк, кровавый туман, застилавший глаза, исчез. Теперь он играл со своим разъяренным противником, что кошка с мышью. Подряд два раза будто раскрывал ненароком незащищенную левую ногу — руби! А в последний момент убирал, словно по игре случая. А когда этот дуралей полез за его ногой третий раз, отскочил, заранее рассчитав все, чуть в сторону и нанес сокрушительный удар по спине врага.

Этого омерзительного хруста перерубаемых человеческих позвонков он долго не забудет. Да вот только крепкий кумыс, здравицы в его честь и, главное, за их родом оставшееся богатое сенокосное угодье сделают со временем свое дело: он почувствует себя человеком, *нужным* сородичам. Не зря, значит, потратились люди на его, Сарыала, обучение — постигающие воинское искусство никогда не отвлекаются на всякого рода нудные хозяйственные работы. Смысл их бытия на Срединной земле — когда придет время, убивать или быть убитым, дорого заплатив за жизнь свою и своих соплеменников.

* * *

Что было потом?..

Потом, однажды летним утром, дней через пять после боя того памятного, заметил Сарыал, что одна могучая ветвь Древа стала засыхать, сбросила раньше времени пожелтевшую листву. «Приболел чтой-то покровитель — защитник наш», — забеспокоилась мать и поехала к знаменитому шаману в соседнее урочище.

«Ты за сыном присматривай, к намерениям-поступкам его приглядывайся! — ни с того ни с сего посоветовал встревоженной женщине старец. И ни за что не согласился взять за труды справного годовалого бычка, преподнесенного матерью

¹ Однолезвийный нож-наконечник, закрепленный на длинном древке.

Сарыала в дар. — Не в моих силах изменить предначертанное свыше, — промолвил при этом горестно. — Чему суждено произойти, того не миновать...»

И потекли годы. Такие же непохожие, разные, как и двуногие обитатели мира Срединного. И проливал Сарыал свою кровь, и лил чужую. Защищаясь чаще, но и нападая порой сам с ватагой в несколько десятков подобных себе сорвиголов на земли ближних и дальних соседей. Тревожил их, чтобы *те* не тревожили; убивал, чтобы самому оставаться в живых. Время было такое — «кыргыз уйэтэ», век междоусобиц.

И многие развесистые ранее нижние ветви Древа родового превратились за эти годы в страшные, окаменевшие будто в неслышном горьком выкрике обрубки-щупальца. Видели это старики, покачивали молча опущенными горестно головами; видел это Сарыал — похохатывал: «Эх, люди-людишки! Короток ваш ум, не зорки ваши очи... Оживет скоро Древо, не убивайтесь так. Вот привезу невестушку-красавицу из дальних далей, заведу детишек, затеют они веселый осуохай¹ вокруг него, и оживет наше Древо. Пуще прежнего зацветет!..»

И на четвертом десятке жизни решил Сарыал-боотур остепениться, завести семью. Прослышал, что за дальней горой, в урочище близ Светлого ручья, живет-поживает тунгуска неопикуемой красоты. Был он к тому времени человеком с положением и подарков для будущей невесты не пожалел: и мехами, и серебряными поделками набил переметные сумы трех лошадей. Поехал женихаться, да как человек сторожкий — беспокойные были времена! — взял с собой в сопровождение десятков отборных бойцов. Половину пути проехать не успели, как донесли до их ушей нехорошую весть: выходит красавица-иноплеменка замуж за сверстника-тунгуса, и будто давние у них, едва ли не с малолетства, любовь да дружба. Делать вроде бы уже нечего. Другой жених неудачливый сплюнул бы с досады, засел где-нибудь в укромном местечке, напился бы до одури пенящегося кумыса, погоревал бы день-другой в обществе друзей-соратников и повернул лошадей обратно. Да не таков был Сарыал-боотур.

Не развернул он любимого коня мордой на юг, а плетью огрел, чтобы шибче бежал, и на полном скаку уже крикнул: «Кто со мной?!» Все десять боотуров, как один, устремились за ним. Обученные сызмальства искусству воинскому у лучших мастеров ратного дела, они с легкостью расправились с защитниками небольшого стойбища. Сарыал-боотур самолично, но без лишней жестокости, покончил с молодым тунгусом-соперником; разыскал затем желанную добычу свою среди насмерть перепуганных женщин; смеясь и крича: «Это вам выкуп за девушку вашу!» — разбросал-раскидал по всему стойбищу привезенное добро; кусающуюся, царапающуюся красавицу велел связать и усадить на запасного, наиболее смиренного коня.

Так и доехали до родных мест Сарыала-боотура: без шума и гама, без радостной суеты и спешки. За дорогу долгу красавица-пленница не проронила ни слова. Есть помалу — ела; ходила по нужде — убегать не пыталась; да что-то странное затаилось в ее глазах, жутковатое в своей нечеловеческой скорби. Не было в этом взгляде ни злости, ни жажды мести, ни даже обиды. Она все думала, но о чем-то своем, недоступном.

Встретили пленницу в доме Сарыала-боотура приветливо. Мать его с первых дней не то чтобы возлюбила, но на удивление участливо отнеслась к горькой доле девушки. И когда та попросила через старую женщину, чтобы Сарыал не трогал ее в течение девяти дней, сразу же запретила сыну даже думать о чем-либо подобном до истечения назначенного «невестой» срока.

Так прошли восемь дней. На рассвете девятого Сарыал проснулся от истошного вопля матери. Выскочив из урасы с оголенным батасом, он вдруг отпрянул — будто

¹ Традиционный хороводный круговой танец якутов.

наткнулся на железную стену! — узрев жуткую картину. Под Древом сидела мать и, уже не рыдая, молча рвала на голове седые волосы. Прямо над ней болтались-свисали откуда-то сверху крохотные ножки в праздничных белоснежных сапожках...

Со смертью гордой девушки-иноплеменки словно последние силы стали покидать Древо. Только самая макушка его одевалась теперь летом в зеленый наряд. Да не было в зрелище этом ничего, что бы тешило-утешало глаз. Какую-то недоступную разуму двуногого нелепость, чудовищную игру высших сил чувствовал каждый при взгляде на это не то уродливое растение, не то некое подобие человеческого существа с зеленой головой и загребущими мертвыми руками.

И лишь храбрился еще бесстрашный Сарыал-боотур.

* * *

А спустя еще несколько протяжно-долгих лет вышло у него несчастье с братом названным Нюргуном...

Славно погуляли они в тот теплый летний день вдвоем, вдали от глаз людских. (Народ-то весь был на летнике — разгар сенокоса.) И обсуждали, раз за разом опустошая чороны¹, одну братову задумку: в вольные боотуры решил податься Нюргун. И все подбивал на это Сарыала. И выходило впрямь из речей его складных, что, коли им вместе держаться, сам Арсан-Дуолай, свирепый владыка Нижнего мира, и тот в ужасе подождет хвост свой поганый от одного их вида. Так бахвалились братья друг перед дружкой в продолжение всего длинного летнего дня, а вечером, когда слегка посвежело, вышли поразмяться на зеленый лужок возле Древа. И батасы звонкие не забыли захватить, и щиты, и доспехи. Какая у них — у боотуров потомственных — забава-развлечение, как не воинские игрища? Вытянули-высосали каждый из чорона своего без остатка веселящий душу кут, напиток настоящих мужчин, отбросили посуду небрежно в сторону и встали в позицию брат перед братом.

Дурь и муть в головах отяжелевших, а руки-ноги делают заученно работу привычную — сцепляются братья в ближнем бою; отпрянув, лихо, со свистом рубят воздух батасами; смеясь затем, играючи, молотят по щитам палицами боевыми (не всякому смертному под силу даже приподнять такую с земли, не то что забавляться ею).

Оглашал окрестности боевой клич братьев, от которого вражья душа не единожды уходила в пятки; раздавался-разносился по окрестностям звон от скрещивающихся батасов, кованных лучшими в подлунном мире кузнецами; грохот стоял невообразимый, будто сталкивались время от времени тверди, земная и небесная — то молотили медные палицы о медь многослойную щитов особой закалки.

Ох, до чего же хорошо было братьям! И кровь чужую проливать не надо (не были ведь убийцами прирожденными!), а свою по жилам разогнать в охотку — чего еще желать подлинному боотуру? Подунав, заходили в прохладную урасу, подкреплялись кумысом животворным, жеребятиной жирной, карасьими лакомились язычками. И беседовали, и вспоминали бывшее, и мечтали вслух о том, как подадутся вместе в загадочную страну Вилюй — уговорил-таки, соблазнил Нюргун брата своего названного.

Беда заявила, как всегда наступает она двуногого, неожиданно. По третьему кругу когда «вышли на бой», поскользнулся на влажной от утренней росы траве Нюргун (разве заметишь, как проходит ночь летняя!) и вместо того, чтобы прикрыть голову от братовой палицы, уперся рукой со щитом об землю. Что делать было Сарыалу? Подтянул он брата поближе к Древу, вырыл на скорую руку подобие могилы, уложил в него Нюргуна в полном боевом облачении и закопал. Хорошо еще, что догадался

¹ Национальный якутский сосуд в форме кубка для хранения и потребления кумыса.

дерн сверху срезать, прежде чем заняться захоронением боотура. Землю же лишнюю снес на подворье, раскидал, утрамбовал.

Как и надеялся Сарыал, народ решил: подался Нюргун в поисках лучшей доли в «вольные боотуры», на Виллой.

А Древо за ночь лишилось последней листвы...

* * *

Все бы хорошо, да вот Древо треклятое...

Старик, кряхтя, облачился в боевые свои доспехи, вышел во двор и подошел к еще с вечера привезенной чагарами-слугами из Священной роши маленькой березке. Вырыл неглубокую ямку, осторожно, боясь повредить корни, посадил в нее трепетно-хрупкое тело деревца. Принес в туюске воды, щедро полил-напоил землю вокруг затрепетавшей листочками на ветру березки. Зашел в балаган, снял со стены верой и правдой служивший ему столько лет батас. Шепча под нос старинные заклатья, вышел во двор. И с размаху рубанул по черной плоти Древа клинком.

* * *

Утром их нашли лежащими рядом: срубленное Древо и Сарыала-боотура. Оба были мертвы.

А рядышком игриво шумела листвой молоденькая березка...